

Писатель-сатирик Аркадий АРКАНОВ:

«Юмор ниже пояса»

Окончание. Начало на стр. 1

– Вы утверждаете, что сатира – это такая же литература?

– Да, но в советское время развелось много писателей-сатириков. Девяносто процентов из них просто «сатирики», но никакие не писатели.

– Меня удивили признания Ширвиндта и Хазанова в том, что они разлюбили сатиру. По их мнению, она очень агрессивна.

– Они разлюбили ее точно так же, как и я, в ее сегодняшнем понимании. Есть люди, которые желают непременно образом остричь очень зло и остричь по конкретному поводу или на конкретную тему, чтобы вызвать моментальную реакцию читателей или зрителей. Я всегда считал, что в жизни очень много блистательно остроумных людей, но им почему-то не приходит в голову именовать себя писателями. Остроумие и писательство – разные вещи. Если писатель остроумный, то он может называться писателем-сатириком. Остроумный человек, даже если он выступает на эстраде и имеет успех от своих острот, вряд ли может называться писателем. На одном остроумии не проживешь.

– У сатириков есть «возрастной потолок»?

– Если считать себя профессиональным остряком, то надо понимать, что с годами это чувство притупляется. Вообще, делать остроумие профессией нельзя. Если человек начинает на остроумии зарабатывать деньги, то с годами оно начинает иссякать точно так же, как иссякает искусство часовщика, потому что у него могут начаться проблемы со зрением. С годами пропадает мастерство и у хирурга. Любая профессия подвержена возрастным изменениям. Но – именно профессия. Для меня писательство не профессия. Я не считаю себя профессиональным остряком и сатириком.

– А кто же вы?

– Я человек с данным мне природой – хорошим или плохим, глубоким или поверхностным, не знаю – чувством юмора, и я его расходую по мере необходимости – к месту, вовремя и тактично.

– Наверное, процентов девяносто сюжетов для рассказов вы брали из жизни?

– Представьте себе, нет.

– Когда читаете свои рассказы и слышите в зале хохот и гогот...

– Я уже давно не слышу хохота и гогота, тех, которые были раньше. Я уже не могу вызвать хохота. Его вызывают другие. Они, правда, пользуются другими методами. Они профессионалы, и они профессионально выжимают смех из зала.

– Вы хотите сказать, что на ваших выступлениях совсем не смеются?

– Я не выжимаю смех. Я счастлив, если смеются на том месте, где смешно.

– А не появляется гоголевская мысль «Над чем смеетесь? Над собой...»?

– Бывает. Но мне не жалко тех людей, которые смеются над тем, что я им читаю. Мои читатели и зрители сознают, что смеются над собой. Вот те, кто в последнее время воспитался на другом юморе – не будем говорить, плохой он или хороший, но он более упрошенный, сиюминутный, анекдотный, застольный, – не понимают, над чем смеяться в моих рассказах.

– Если говорить о новом юморе (условно назовем его «аншлагским»), то чьей деградации тут больше – артистов или зрителей?

– Думаю, что это взаимно. В медицине это тоже есть: когда причина становится следствием, а следствие причиной. Возникает порочный круг, который трудно разорвать, и он ведет к тупику. Вот вам пример порочного круга. Человек пьет. Спрашивают: почему он пьет?

ВЛАДИМИР МАШАГИН

Потому что он ничего не делает. А почему он ничего не делает? Потому что он пьет.

Если говорить, кто является определяющим в деградации, если это считать деградацией, то такими являются и те, и другие. Почему это произошло? Я не являюсь поклонником и проповедником советского прошлого, у меня к нему однозначное отношение – отрицательное в принципе. Но нужно признать, что когда существовала цензура на государственном уровне, а не такая, как сейчас на каждом канале, личностная, то за свои слова и поступки можно было пострадать как физически, так и морально. Если человек что-то хотел написать, то он должен был обмануть цензуру. Он искал форму для того, чтобы читатели поняли, что он хотел сказать.

– А что, по-вашему, страшнее: идеологическая цензура или цензура денег?

– Цензура денег. Ее невозможно обойти. Если и можно, то только еще большим количеством денег. Идеологическую цензуру обойти можно. И обходили. Искали формы, цензоры не догадывались о подтексте, и это доставляло огромное удовольствие и тому, кто писал, и тому, кто читал.

– Если смотреть архивные передачи, то до сих пор смешно слушать Аркадия Райкина или раннего Хазанова. Неужели настолько смешными их делала цензура? Влияла ли она на уровень юмора?

– Влияла. Как это ни странно, но давление на талантливого человека вызывает в нем не депрессию, а желание побороть это давление и все-таки сказать то, что хочется сказать. Талантливым это удается. Бездари и менее одаренные смиряются и начинают работать в заданных рамках, в отведенных для них коридорчиках и имеют свой определенный успех. Но когда пресса цензуры снимается, то начинаются удивительные истории. Всем хочется остаться на плаву и иметь тот успех, который был. Тому, кто привык облекать свои произведения в литературные формы, становится труднее конкурировать, когда открыты все информационные клапаны, когда

информационный поток становится все больше и больше. Можно оставаться на том же уровне и не обращать внимания на происходящее вокруг, а можно упростить форму. Поэтому те, кто хотел сохраниться на плаву, опустили уровень своего юмора, как говорится, ниже пояса. Конечно, остались люди, которые продолжают делать то, что они делали раньше. Но они потеряли часть своих читателей, потому что более простая и нижепоясная литература всегда была более востребована.

– Это похоже на то, что есть попса и есть симфоническая музыка.

– Абсолютно точно. Можно еще сказать так: есть попса и есть хорошая эстрадная музыка. Я сравнил бы еще и так: есть хорошие рестораны и есть домашняя еда, но есть «Макдоналдс». Я ничего не имею против него, но питаться в нем каждый день – значит облекать себя на ужасное состояние, потому что можно разрушить весь организм. Кстати, американская на-

В сравнении с некоторыми моими знакомыми и друзьями нахожусь на уровне бомжа.

ция уже испытывает очень большие проблемы в физиологическом плане от того, что большинство жителей США предпочитают фаст-фуд. Это я вам как доктор говорю. Еще могу сказать, что юмор должен быть дозирован так же, как дозированы могут быть витамины. Если витаминов нет, то человек умирает от авитаминоза. Если их много, то он умирает от гипервитаминоза. Поэтому попса должна быть, но как добавка определенного сорта.

– Почему-то попсу принято ругать, считается, что ничего хорошего в ней нет. Но ведь и Пушкин ходил на базар, чтобы подслушивать народную речь. А вам что-то нравится в ней?

– Да, когда есть некоторый стес. Когда я чувствую, что у человека есть самоирония, что он делает что-то с прищуром, то мне это нравится. Если же артист всерьез думает, что то, что он делает, здорово, то это уже плохо, потому что масса воспринимает это напрямую и не понимает, что в этом

АРКАДИЙ АРКАНОВ – один из самых известных русских писателей, работающих на грани сатиры и юмора. Родился 7 июня 1933 года в Киеве. В 1957 году окончил Первый Московский медицинский институт им. И.М.Сеченова. Тогда же познакомился с Григорием Гориним. Кроме ряда эстрадных произведений ими совместно написаны пьесы: «Свадьба на всю Европу» (1966), «Банкет» (1969; обе поставлены в Московском театре сатиры), «Лестничная клетка» (1967), «А был ли Дюма-отец?» (1968), ряд одноактных пьес, впоследствии объединенных в одну – «Маленькие комедии большого дома» (1973). До 1960 года работал участковым врачом в Москве, потом расстался с медициной и занялся профессиональной литературной деятельностью. С 1963 по 1967 год работал внештатным редактором отдела юмора и сатиры в журнале «Юность». Автор и один из создателей «Клуба 12 стульев» в «Литературной газете». В 1979 году принял участие в легендарном самиздатском альманахе «Метрополь», составленном Василием Аксеновым и Виктором Ерофеевым и изданном год спустя в американском издательстве «Ардис», после чего на несколько лет лишился возможности публиковаться. Автор полтора десятков книг. Дважды лауреат премии «Золотой теленок», лауреат премии журнала «Крокодил» и премии Болгарского союза писателей «Алеко».

должна быть ирония. В попсе есть и высокий уровень как среди исполнителей, так и среди авторов. Например, у меня язык не повернется назвать попсой Земфиру. По-моему, это очень качественная эстрада.

– Тот же Пушкин говорил: «Гений и злодейство – две вещи несовместные». Гений и успех в рыночное время бывает?

– Бывает. Бывают удивительные совпадения. Вообще-то это можно назвать счастьем. Очень редко, но это случается в литературе, но, как и в любом жанре, крайне редко. Гении, как правило, испытывают то же, что испытывает

настоящий сатирик – неудобство от того, что существует в этом мире. Он не должен нравиться властям. Он не

должен хорошо жить, потому что ему не на что жить. Но он не должен ходить и с протянутой рукой. Парадокс, но как можно представить сатирика, который ругает общество и при этом имеет виллу на Канарах и огромный счет в банке? Это не реально, но у нас очень много таких, именующих себя сатириками, и при этом дай Бог многим жить так богато, как они. Значит, они не сатирики. Они обслуживают общество с точки зрения шутовства, что само по себе, конечно, неплохо. Но тогда не надо претендовать на некую философию и мировоззрение и не называйте себя сатириками.

– А вы тоже живете бедно?

– Хотелось бы жить лучше. Я не могу сказать, что живу хорошо только потому, что у меня есть обыкновенная по нынешним меркам квартира. У меня нет счета в банке, у меня средняя машина, на которой я не езжу, потому что на ней ездит жена. Нет, я не жалуюсь на жизнь. Но в сравнении с некоторыми моими знакомыми и

друзьями нахожусь на уровне бомжа. С их точки зрения. Мне же кажется, что я живу нормально, хотя на сегодняшний день у меня огромное количество проблем материального порядка.

– Но вас же издают!

– Я не хочу говорить о тех гонимых, которые получаю. О чем можно говорить, когда роман пишется 12 лет, а за него платят три тысячи долларов? Не буду скрывать, что основные мои доходы сейчас с частных приглашений и корпоративных вечеров, еще могу провести свадьбу или день рождения.

– Не коробит от таких занятий?

– В какой-то степени, конечно, коробит, если не сказать больше. Но у меня есть правило: если меня приглашают, то приглашают такого, какой я есть. Если мне скажут: «Вот тут вы «Мурку» споете, а там цыганочку с выходом станцуете», то я на такое не соглашусь. Да и не было у меня таких случаев.

– Человечка в детстве формирует среда, а что оказало влияние на ваши потребности шутить и писать?

– Наверное, то, что мне нравилось дурака валять. Придуриваться, передразнивать, делать рожи, устраивать в школе приколы. В тре-

теем классе – еще шла война, а люди все равно оставались людьми – мы пошутили над менее приятной учительницей: принесли в коробках пчел и в самый патетический момент выпустили их. Они летают, жужжат, а кругом визг, учительница ничего не понимает.

Ко мне хорошо относились и двоечники, и отличники, и отпетое хулиганье. Конечно, были и противные отличники, они свысока смотрели на других. Мы с удовольствием делали им какую-нибудь бяку. Например, могли положить ему кое-что из туалета в портфель и потом посмотреть, как он на уроке лезет в него за книгами. Это было невероятно смешно. Ничего страшного в этом не было, но нам было приятно, что он оказывался в полном дерьме, это его ставило на место.

В медицинском институте, куда я поступил, оказались очень талантливые люди. Мы организовали грандиозный медицинский капустник, из него потом вырос блистательный театрально-эстрадный коллектив, который пользовался большим успехом. С нашей программой мы получили серебряную медаль на фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 году.

– Вы не откроете тайну: почему врачи такие ироничные?

– Потому что они имеют прямое касательство к жизни и смерти. У них очень здоровое отношение к ним. На глазах врача больной может уйти из жизни, и тот же врач может вернуть больного к жизни, вырвав его из рук смерти. Понятия «жизнь» и «смерть» для врача очень обыденные. Они лишены для него некоего ореола, пафоса.

– С кем вам больше везло встречаться – с теми, у кого есть чувство юмора, или наоборот?

– С людьми, у которых вообще не было чувства юмора, у меня не было никаких контактов. Мне не интересно с ними.

– Даже если это какой-то важный чиновник?